

ПОКА НАСТОЯЩАЯ МАМА СПИТ

АНИ ЕГАНИЯН

18+

18+

Ани Еганян

Пока настоящая мама спит

«Автор»

2026

Еганян А.

Пока настоящая мама спит / А. Еганян — «Автор», 2026

На девятый день после родов Нора просыпается от непривычной тишины. Кроватка её сына пуста. В детской, у окна, сидит незнакомая женщина. На ней ночная рубашка Норы. У неё волосы Норы. Её руки. Её лицо. И она кормит её ребёнка. Муж утверждает, что Норе просто нужно отдохнуть. Видеозаписи исчезают. В документах появляются подписи, которых она не помнит. А женщина в кресле ведёт себя так, словно именно Нора здесь лишняя. Постепенно молодая мать начинает понимать: кто-то не просто хочет занять её место. Кто-то уже сделал это раньше. Но самое страшное — не увидеть собственное лицо на другой женщине. Самое страшное — однажды узнать, что твой ребёнок больше не сможет отличить тебя от неё. «Пока настоящая мама спит» — психологический хоррор о материнстве, подмене личности и любви, которую можно превратить в самое страшное оружие. После этой истории вы ещё долго будете прислушиваться к тишине в детской.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Чужие руки	9
Глава 2. Девять дней	13
Глава 3. Запись	17
Глава 4. Патронаж	21
Глава 5. Возраст	25
Глава 6. Чужой отдых	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ани Еганян

Пока настоящая мама спит

Ани Еганян
Пока настоящая

мама спит
Хоррор
18+

Пролог

Она не могла вспомнить, как пахнет её сын.

Знала запах молока. Порошка для белья. Кислой влаги в складке под маленьким подбородком. Но стоило закрыть глаза и попытаться собрать всё вместе, как вместо ребёнка возникало кресло.

Деревянное.

С острым краем у левой ноги.

Женщина стояла в туалете на вокзале и тёрла запястья бумажным полотенцем. Вода не была холодной. Просто тело больше не умело согреться.

Из соседней кабинки вышла девушка с большой спортивной сумкой. Посмотрела на неё в зеркале, быстро отвела глаза. На пальцах женщины оставались тёмные полосы. Под одним ногтем застряло что-то белое.

— У вас кровь, — сказала девушка.

— Знаю.

— Вам помочь?

Женщина подняла голову.

Впервые за весь день кто-то спросил так, словно она могла ответить не то, что нужно.

— У вас есть телефон?

Она не хотела пользоваться своим: Дэниел проверял список вызовов.

Девушка достала аппарат. Не выпустила из руки, только разблокировала и предложила самой назвать номер. Женщина знала его наизусть. Называла цифры и боялась, что забудет последнюю.

Сначала никто не ответил. Потом включилась запись.

Весёлый знакомый голос сказал, что не может сейчас говорить.

Женщина слушала до самого конца. Когда прозвучал сигнал, открыла рот.

И поняла, что не знает, как объяснить.

«Меня держат дома» — неправда. Она стояла на вокзале.

«У меня отняли ребёнка» — тоже не совсем. Он находился со своей матерью. Она сама видела, как та держит его, как поддерживает голову.

«Я хочу вернуться» — ближе всего. Но не к тому месту, где их снова посадят напротив друг друга.

Девушка ждала.

Женщина прошептала в телефон:

— Это я. Пожалуйста, не верь, если скажут, что я не хотела.

Запись оборвалась.

Она попросила отправить сообщение с просьбой о помощи. Не на тот же номер. В районную службу, куда когда-то приходила после выписки. Наизусть помнила не всё; нашла название на бумаге, которую носила в кармане. Девушка помогла заполнить обращение. Попросила написать имя.

Ручка скользила. Женщина долго не могла закончить фамилию. В нижних петлях оставались тёмные пятна: она снова и снова проводила по одному месту, пока пыталась вспомнить, что будет дальше.

Девушка заметила.

— Вы уверены, что вам не нужно вызвать помощь прямо сейчас?

Женщина посмотрела на дверь.

За ней гремели колёса чемоданов. Объявляли прибытие поезда. Люди торопились к тем, кого ждали.

Он тоже будет искать на вокзале.

— Я уже вызвала, — сказала она. — Спасибо.

Девушка ещё постояла. Потом ушла, оглядываясь.

Женщина вытерла раковину после себя. Не потому, что это было важно. Потому что так всегда делала, когда боялась. Оставить чисто. Сложить вещи. Не создавать ещё одну причину рассердиться.

В сумке лежал блокнот.

На первой странице её имя.

Она открыла на последней и дописала, что сообщение отправлено. Что Рут пока не ответила. Что в комнате слева от лестницы есть щель за плинтусом, но туда больше нельзя прятать бумаги: он уже нашёл предыдущие.

Потом остановилась.

Если кто-нибудь прочитает, решит, что она сумасшедшая.

Она и сама так решила бы ещё неделю назад.

Женщина вырвала одну страницу, подумала и разгладила обратно. Нельзя оставлять только страшное. Тот, кто придёт после, должен знать, ради чего вставать.

Она написала про сына.

Как он складывает губы перед чиханием. Как прижимает ногу к её животу. Как иногда затихает, если просто перестать двигаться и дышать рядом.

В голове возникло воспоминание: тёплый вес на руках. Она сумела удержать его несколько секунд.

Запаха всё равно не было.

Сумку она оставила в камере хранения. На бирке завязала нитку двумя узлами. Рут всегда ругалась на эти узлы. Рут поймёт, что это оставила она, даже если потом кто-нибудь скажет, что её вообще не было.

Деньги почти закончились. Билет в другой город стоил больше. Можно было попросить девушку ещё раз, найти сотрудника, сесть на пол и не вставать, пока кто-нибудь не выслушает.

Женщина дошла до стойки.

Увидела за стеклом полицейского.

Сделала шаг к нему.

Телефон в кармане завибрировал. Её собственный, на котором с утра стоял беззвучный режим.

На экране была фотография ребёнка.

Он лежал один в кроватке. Голова повернута набок, лицо мокрое.

«Она не встанет к нему. Возвращайся».

Женщина стояла перед стойкой и смотрела на снимок.

Ей нужно было проверить, что происходит. Можно было показать сообщение полицейскому. Можно было попросить, чтобы поехали вместе. Она даже открыла рот, когда он поднял голову.

Потом пришла вторая фотография.

Чужая женская рука лежала у самого детского лица.

С такой же формой пальцев, как у неё.

Она отступила.

Полицейский что-то спросил, но женщина уже шла к выходу. Очень быстро. Почти бежала, прижав к боку руку, в которой больше не было сумки.

Дома было темно.

Он открыл раньше, чем она вставила ключ.

Сначала забрал телефон. Потом спросил, где она была. Она попыталась пройти мимо, но он придержал её за плечо.

— С ребёнком всё хорошо.

— Дай посмотреть.

— Сначала успокойся.

Из детской не доносилось ни звука.

Женщина ударила его по руке. Он отступил от неожиданности, и она успела добраться до лестницы.

Наверху в кресле сидела другая женщина. Держала сына. Лицо оставалось спокойным, но по щекам текли слёзы.

Увидев её, она встала.

— Ты вернулась.

Женщина на лестнице остановилась. Хотела спросить, почему та плачет, если всё хорошо. Но снизу уже поднимались шаги.

— Отдай его ей, — сказал мужчина.

Другая послушалась не сразу.

Всего секунда промедления.

И в этой секунде женщина на лестнице впервые увидела не соперницу.

Ту, что боялась точно так же.

Потом их развели по разным комнатам.

Позднее, когда стало невозможно дышать, она пыталась удержать запах ребёнка. Не кресло. Не бумагу, которая оказалась у губ. Не слово «возврат», произнесённое над головой.

Молоко. Чистая ткань. Тёплая кожа под подбородком.

На короткую секунду получилось.

Она умерла, не узнав, дошло ли сообщение.

Глава 1. Чужие руки

На девятую ночь после родов Нора впервые проспала шесть часов подряд.

Разбудила её боль в груди. Простыня под ней промокла, рубашка прилипла к животу. В щели между шторами серел утренний свет. Дэниел лежал лицом к стене, натянув одеяло на плечо.

Из детской не доносилось ни звука.

Нора села слишком резко и прижала ладонь к низу живота. На секунду перед глазами потемнело. Она переждала, упершись пятками в холодный пол.

Шесть часов. Оуэн никогда не давал ей шести часов. Обычно плач начинался раньше, чем она успевала согреть ногами простыню.

— Ты вставал к нему?

Дэниел что-то пробормотал.

Нора толкнула его в плечо.

— Дэн. Ты кормил Оуэна?

— Ты кормила.

— Когда?

Он приоткрыл глаза.

— Не знаю. Ночью. Я тебя слышал.

На тумбочке стояла видеоняня. Экран погас, но зелёный огонёк продолжал гореть. Нора нажала кнопку.

Кровать была пустой.

Позднее она не могла вспомнить, как преодолела коридор. Только движение дверной ручки в ладони: вниз, ещё ниже, почему же дверь не открывается. Оказалось, она толкала её, не опустив ручку до конца.

На ковре лежала пелёнка. Рядом — её тапочка.

В кресле у окна сидела женщина с ребёнком.

На ней была Норина ночная рубашка, белая в мелкий серый цветок. Нора сама покупала её на распродаже, потому что ткань растягивалась у горловины. Волосы женщины были собраны розовой резинкой. Левая ступня босая. На правой — вторая тапочка.

Женщина подняла голову.

Нора увидела собственное лицо.

Только выпавшееся.

Маленькая ладонь лежала у женщины на груди. Оуэн спал, приоткрыв рот. В уголке его губ белела капля молока.

Нора ухватила за дверную ручку.

Женщина приложила палец к губам.

В спальне скрипнула кровать. Дэниел вышел в коридор и остановился за спиной Норы. Она услышала, как изменилось его дыхание, и на мгновение почувствовала такое облегчение, что едва не заплакала.

Он тоже её видел.

— Дэн.

Муж осторожно взял её за локоть.

— Пойдём.

Она попыталась выдернуть руку.

— Посмотри на неё.

Его пальцы сжались сильнее.

— Ты разбудишь ребёнка.

Женщина снова опустила глаза. Придержала затылок Оуэна большим пальцем — точно так, как это делала Нора. Левая ладонь лежала на детском бедре. На безымянном пальце ничего не было.

Нора посмотрела на собственное кольцо.

Отёкшая кожа выпирала с обеих сторон золотого ободка.

— Она держит моего сына.

Дэниел обнял её сзади, прижав руки к бокам, и начал отступать в коридор.

— Я его принесу. Слышишь? Прямо сейчас принесу.

Нора ударила пяткой по его ноге. Он выругался, но не отпустил. Ей не хватило воздуха.

Из горла вырвался звук, от которого женщина в кресле вздрогнула.

Впервые на её лице появилось выражение.

Ужас.

Женщина прикрыла голову Оуэна ладонью.

Дэниел толкнул Нору в спальню.

— Сядь.

Она обернулась к нему. На его подбородке темнела полоска крови: порез после бритья, который вчера ещё не успел подсохнуть. Этот мелкий, знакомый изъян вдруг стал единственным предметом, на котором можно было удерживать взгляд.

— Позвони в полицию.

— Я принесу сына.

— Сначала позвони.

— Нора, посмотри на меня.

Он говорил ровно, делая паузу после каждого слова. Так разговаривали с её отцом после инсульта. Нора ненавидела этот голос ещё тогда.

— Ты видишь другую женщину?

Она кивнула.

— Похожую на тебя?

— Это я.

— Хорошо.

— Какого чёрта хорошо?

За стеной тонко скрипнуло кресло.

Дэниел посмотрел на дверь.

Нора рванулась мимо него. Он перехватил её за плечи, но она уже успела увидеть коридор.

Из детской выходила женщина.

Оуэн лежал у неё на сгибе локтя. Второй рукой она держалась за косяк. Нора увидела, что на левой босой ноге у женщины темнел старый синяк — полукругом, у самой щиколотки.

Такой синяк был у Норы весной. Она ударилась об открытую дверцу посудомоечной машины.

Он давно прошёл.

Теперь женщина стояла, качаясь, и смотрела на Дэниела. Губы у неё шевелились. Нора не слышала слов.

Муж ослабил хватку.

— Вернись в кровать, — сказал он.

Нора замерла.

Он смотрел не на неё.

Женщина сделала ещё шаг. Потом Дэниел закрыл дверь спальни.

Нора бросилась на него всем телом. Он придержал дверь плечом.

— Ты что с ним сделал?

— Он в порядке.

— Открой.

— Дай мне полминуты.

С той стороны раздалось короткое хныканье. Знакомое, захлёбывающееся: Оуэн просыпался так, будто сердился на собственный сон.

Нора вцепилась Дэниелу в предплечье ногтями. Он даже не отдернул руку. Смотрел на часы у неё за спиной.

Где-то внизу щёлкнул замок.

И тогда муж отпустил дверь.

Нора вылетела в коридор. В детской было пусто. Кресло ещё покачивалось. Вмятина на подушке медленно расправлялась.

Оуэн лежал в кровати.

Она подхватила сына слишком быстро, едва не зацепив его ногой край бортика. Маленькое тело было тёплым и тяжёлым. Оуэн скривился, повёл головой и нащупал ртом ткань рубашки.

Нора сползла на ковёр, прижав его к себе.

Дэниел присел рядом.

— Давай я помогу.

— Не трогай нас.

Он убрал руки на колени. На предплечье выступили четыре красных полумесяца.

— Что ты видел? — спросила Нора.

Муж посмотрел на Оуэна.

— Я видел, как тебе было страшно.

— Не это. В кресле. Кого ты видел в кресле?

— Когда я подошёл, ты стояла в дверях.

— А в кресле?

Дэниел провёл ладонью по лицу. Размазал кровь с подбородка.

— Я не хочу с тобой спорить.

Нора посмотрела на пол.

У её колена лежала тапочка. Одна.

Вторая была в кресле, аккуратно поставленная на сиденье.

Она могла снять её сама. Могла войти в детскую, сесть, покормить Оуэна, уйти и забыть. Могла увидеть то, чего не было, пока Дэниел переносил ребёнка обратно в кровать.

Но тогда кому он сказал вернуться в кровать?

Оуэн выпустил грудь. Взглянул куда-то над её плечом. На несколько секунд его взгляд стал внимательным, почти взрослым.

Потом он улыбнулся.

Нора читала, что самые первые улыбки бывают произвольными. Она очень хотела, чтобы эта оказалась именно такой.

Дэниел встал.

— Я приготовлю чай.

Он поднял тапочку с кресла, повертел её в руке и унёс с собой.

Нора слушала, как он спускается по лестнице. Как включается кран. Как шуршит пакет с хлебом.

Когда его шаги перестали быть слышны, она приподнялась, не выпуская Оуэна, и тронула подлокотник кресла.

Там, где лежала левая рука женщины, на светлой обивке осталось влажное пятно.

Нора понюхала пальцы.

Молоко.

Она снова опустилась на ковёр. Оуэн дышал ей в шею. Тёплая щека лежала на ключице.
С кухни Дэниел позвал её завтракать.
Нора не ответила. Смотрела на пятно, пока ткань не начала темнеть по краям.
По центру белой влаги проступало красное.

Глава 2. Девять дней

Чтобы вспомнить роды, Норе приходилось начинать с того, что было раньше.

Вечером они ели лапшу из картонных коробочек. Дэниел положил ей свою курицу, а она сказала, что от неё пахнет холодильником. Он обиделся. Нора извинилась, затем заплакала из-за того, что извинилась. От этой части воспоминания ей до сих пор было неловко.

Потом потекла вода. Не как в кино. Она просто встала со стула и решила, что не успела добежать до туалета.

В машине Дэниел включил подогрев сиденья. Она попросила выключить. Дворники ползали по стеклу, хотя дождь уже кончился.

Дальше оставались отдельные куски.

Пластиковый браслет. Пальцы женщины на животе. Белый свет, от которого хотелось чихнуть. Дэниел, требующий у кого-то зарядку для телефона. Крик из соседней палаты, прекратившийся так внезапно, что Нора попыталась приподняться и посмотреть на дверь.

Потом врач спросил, чувствует ли она прикосновение.

Нора ответила, что чувствует страх.

Кто-то рассмеялся. Наверное, она сама.

После этого в памяти лежало что-то тяжёлое. Каждый раз, пытаясь подобраться ближе, она словно упиралась лбом в закрытую дверь. Можно было приложить ухо, можно было слушать, но ручки с её стороны не было.

Оуэна она помнила уже в прозрачной люльке. На нём была шапочка с жёлтыми утятами. Нора тогда подумала: почему утки, мы же купили белую. Она не знала, что сказать сыну, и сказала:

— Привет.

Из-за этого тоже было стыдно.

В романах женщины сразу узнавали своих детей. Нора знала, что этот младенец её, потому что на его люльке была карточка с её фамилией. Чувство пришло позже, ночью, когда он захлебнулся слюной. Она ещё не успела понять, что случилось, а уже стояла у люльки и держала его лицом вниз на предплечье. После этого руки так дрожали, что она не смогла застегнуть ему распашонку.

Дэниел сказал, что у неё всё получается.

Теперь он повторил это за завтраком.

— У тебя всё получается. Просто иногда надо поспать.

Он поставил на стол тарелку с тостами. Один был намазан маслом слишком толсто, до самых краёв. Раньше Нора соскребла бы лишнее. Сейчас она смотрела на хлеб и пыталась вспомнить, где лежат документы.

Оуэн спал в переносной люльке возле её стула. Нора положила ладонь на его живот поверх одеяла.

— Принеси выписку.

Дэниел открыл холодильник.

— Зачем?

— Хочу прочитать.

— Я всё прочитал. Там обычные рекомендации.

Она смотрела ему в спину.

— Всё равно принеси.

Муж закрыл холодильник, ничего из него не взяв.

— Ты думаешь, тебе дали что-то не то?

— Я думаю, что хочу прочитать свою выписку.

Он посмотрел на часы над плитой. Нора запомнила это движение.

— Она наверху. Поешь сначала.

Она поднялась.

— Нора.

В его голосе появилась усталость. Она была готова к усталости. Последние дни муж готовил, стирал и отвечал на звонки. Она видела чистые бутылочки, высушенные полотенца, свою сложенную одежду. Ей было за что благодарить его.

Но она помнила женщину в кресле.

— Я не собираюсь вызывать адвоката. Мне нужен лист бумаги.

Дэниел молча вышел из кухни.

Нора взяла один тост. Надкусила и долго жевала, не чувствуя вкуса. В углу потолка дрожала паутинка, которую она заметила ещё до родов. Уборщица не приходила с августа. Нора говорила, что справится сама, потому что перед чужими людьми ей хотелось сначала убраться.

Она бы рассмеялась, если бы могла вернуться в тот день.

Дэниел принёс прозрачную папку.

Внутри лежали два листа, квитанция об оплате частной палаты и рекламная карточка. Нора вытащила лист с заголовком. Имя, фамилия, дата рождения. Ниже — несколько строк о перенесённой операции. Она нашла слово «гемоглобин», скользнула дальше, затем вернулась к верхнему углу.

Дата выписки была смазана. Точнее, последние две цифры словно поплыли под принтером.

Нора наклонила лист к окну.

— У тебя есть электронная версия?

— Наверное, в почте.

— Перешли.

— Хорошо.

Он не взял телефон.

На второй странице стояла подпись. Нора провела ногтем по чёрной линии. Обычная факсимильная копия, напечатанная вместе с остальным текстом. Внизу не было номера отделения.

До декрета она два года восстанавливала архив благотворительной школы. Работала с бумагой, которая ломалась под пальцами, отмывала коричневые потёки после протечки, различала чернила, разделённые пятьюдесятью годами. Документы не казались ей честными только потому, что на них что-то напечатали.

В клинике Нора складывала выписку вчетверо, чтобы убрать в боковой карман сумки. На этом листе не было ни одного сгиба. Даже края остались острыми.

Нора не стала говорить об этом Дэниелу.

— А браслет?

— Какой?

— Из роддома. Мой и Оуэна.

Муж посмотрел на люльку.

— Не знаю. Ты вроде хотела сохранить.

Она действительно хотела. Помнила прозрачный пакет, в который убрала оба браслета. Маленькая белая полоска лежала поперёк большой. Нора провела пальцем по выпуклым буквам фамилии.

Где это было?

В машине? В палате? На кухне?

Она открыла папку с другой стороны. Рекламная карточка выпала на стол.

На бежевом фоне был напечатан рисунок кресла у окна. Слова под ним гласили: «Отдых для матери. Спокойствие для семьи». Ниже стояло имя: Эдит Вейл.

Телефона не было. Вместо него — девять маленьких окружностей.

Нора перевернула карточку.

С обратной стороны кто-то написал карандашом: «Не снимать до возвращения».

— Это откуда?

Дэниел взял карточку раньше, чем она успела подвинуть её к нему.

— Из клиники. У них консультант по восстановлению.

— Она приходила?

— Ты сама с ней говорила.

Нора посмотрела на рисунок кресла, мелькнувший у него в руке.

— Не помню.

— Вот именно.

Он произнёс это мягко. Словно её забывчивость только что разрешила их утренний спор.

Оуэн проснулся. Нора услышала, как он завопил, и наклонилась к люльке. Сын смотрел на неё круглыми тёмными глазами. На виске, у самого края шапочки, краснело крошечное пятнышко.

Она не помнила, было ли оно раньше.

— Что у него с головой?

Дэниел подошёл, но Нора уже подхватила ребёнка.

— Дай посмотреть.

Она отодвинула шапочку. На коже осталось четыре красные точки. Почти круг. Очень небольшой, будто след от застёжки.

— Наверное, от ткани, — сказал Дэниел.

Нора развернула шапочку. Внутри не было ни кнопки, ни застёжки.

Муж протянул руку к сыну.

— Я подержу. А ты прими душ.

— Потом.

— Тебе нужно хотя бы десять минут побыть одной.

Она прижала Оуэна к плечу. Маленькая головка поднялась, оторвалась от её ключицы, продержалась так несколько секунд. Сын сердито толкнул её подбородок лбом.

Он был сильнее, чем она ожидала.

Дэниел убрал руку.

— Я перенесу встречи, — сказал он. — Побуду сегодня дома.

В ванной Нора включила воду и села на закрытую крышку унитаза. Оуэн лежал у неё на коленях поперёк полотенца. На двери не было защёлки. Дэниел снял её перед родами: сказал, что не хочет однажды выбивать дверь, если ей станет плохо.

Сейчас Нора придвинула к двери корзину с бельём.

Она задрала рубашку и осторожно потрогала шов.

Чуть выше лобка лежала ровная тёмно-розовая полоска. Нора не разбиралась в заживлении. Ей сказали следить, чтобы ничего не краснело и не мокло. Полоска казалась сухой. По краям кожа блестела.

Именно её Нора чувствовала при каждом движении. Но если не смотреть, боль располагалась ниже. Словно разрез был там, где на самом деле ничего не было.

Она отпустила ткань.

Потом снова приподняла её. В углу зеркала отражалась ступня. Левая щиколотка была чистой.

Нора провела по ней большим пальцем. Тот весенний синяк держался две недели. Дэниел тогда фотографировал его, потому что Нора шутила: посудомоечная машина пытается её убить.

Можно было найти снимок в телефоне.

Она потянулась за ним к раковине.

В этот момент под пальцами Оуэна что-то блеснуло. Он держал край её рубашки. Нора разжала крошечный кулак, опасаясь, что сын выдернул нитку и намотал на пальчик.

В ладони лежала золотая стружка.

Тонкая, изогнутая, как обрезок ногтя.

Нора поднесла её к свету.

На внутренней стороне её кольца, у самой кожи, не хватало маленького кусочка металла.

Утром пальцы женщины в кресле были пустыми.

Нора положила стружку в сухой стакан для зубных щёток и задвинула его за зеркало.

В дверь постучали.

— Всё хорошо? — спросил Дэниел.

Она посмотрела на корзину с бельём.

— Да.

За дверью наступила тишина.

Нора ждала, что муж уйдёт. Слышала, как вода бьёт по эмали, как Оуэн причмокивает во сне, как скрипит под ногами Дэниела доска.

Он остался стоять снаружи.

Глава 3. Запись

К полудню Дэниел трижды предложил ей поспать.

В первый раз Нора сказала, что не хочет. Во второй — что сначала покормит Оуэна. В третий раз муж принёс наверх стакан воды и две таблетки на блюдце.

— Это что?

— Твои.

— Названия.

Он вздохнул, спустился и вернулся с упаковками. На одной было знакомое обезболивающее, на другой — название препарата, которого Нора раньше не видела. Наклейка аптеки закрывала часть надписи. На ней стояла её фамилия.

Нора прочитала обе стороны коробки.

— Кто это назначил?

— Врач. После выписки.

— Я с ним разговаривала?

— По телефону.

— Позвоним ему ещё раз.

Дэниел провёл языком по внутренней стороне щеки. Он так делал, когда раздражался на подрядчиков, но не хотел показывать этого при Норе.

— Сегодня выходной.

— У них должна быть дежурная служба.

Она не собиралась глотать неизвестную таблетку просто потому, что муж принёс её на блюдце. Но и спорить о назначении не хотела. Взяла телефон, нашла на бумагах общий номер и набрала.

Из динамика заиграла мелодия. Потом женский голос сообщил, что номер больше не обслуживается.

Нора включила громкую связь.

Дэниел выслушал сообщение до конца.

— Видимо, старый бланк.

— Тогда найди новый номер.

Он взял коробку.

— Я разберусь.

— Упаковку оставь.

Несколько секунд муж держал её между большим и указательным пальцами. Потом положил рядом с водой.

Когда он вышел, Нора сфотографировала лекарство, выписку и ладонь с кольцом. Открыла переписку с Рут Эш. Последнее сообщение подруги было коротким: «Поняла. Напиши, когда можно».

Нора пролистала выше.

«Мы справимся сами. Мне сейчас нельзя общаться. Пожалуйста, не звони и не приезжай, пока я не попрошу».

Она читала текст несколько раз. Её аккаунт, её обычное обращение к Рут. Даже привычное «пожалуйста», которым она смягчала всё, что собиралась сказать твёрдо.

Рут отправила в ответ сердечко.

Нора не помнила, как писала это сообщение.

Она набрала: «Мне нужна помощь. Можешь позвонить, когда будешь одна?» Приложила фотографии. Нажала отправить.

Рядом с сообщением появился серый значок часов.

Домашняя сеть работала. Телефон показывал полный сигнал. Нора открыла браузер. Прогноз погоды загрузился сразу, но в углу страницы стояла маленькая надпись «сохранённая версия».

Она отключила беспроводную сеть.

На экране осталось «Нет сети».

В доме всегда плохо ловило. Даже до беременности, отвечая на звонки, Нора выходила к входной двери. Она завернула Оуэна в одеяло, взяла телефон и спустилась.

Дэниел работал за кухонным столом. Увидев её, закрыл ноутбук.

— Что-то нужно?

— Связь поймать.

— Дай, я отправлю со своего.

— Не надо.

Он поднялся, но Нора уже дошла до прихожей.

Над входной дверью висел крючок для праздничного венка. Сам венок они выбросили ещё в январе, а крючок остался. Увидев его, Нора вдруг вспомнила, как Дэниел стоял на табуретке и говорил, что в их следующем доме будут высокие потолки. Она придерживала его за бёдра и смеялась, потому что ему было щекотно.

Это воспоминание ощущалось настоящим. Оно никуда не вело, ничего не объясняло. Просто была табуретка, его тёплая спина и её собственный смех.

Нора повернула ключ.

Снаружи пахло сыростью.

Телефон коротко завибрировал. Сообщение Рут ушло. Сразу следом пришло ещё одно уведомление, но Нора не успела прочитать его: Оуэн дёрнул головой, и она перехватила ребёнка.

Дэниел стоял у лестницы.

— Холодно. Зайди.

На улице шёл человек в жёлтой куртке. Катил к соседнему дому маленькую тележку с ящиками. Нора шагнула на крыльцо.

— Простите, который час?

Мужчина остановился, посмотрел на неё и на ребёнка.

— Без десяти час.

— Спасибо.

Он не двинулся с места.

— Вам помочь, миссис Хейл?

— Нет. Спасибо.

Мужчина перевёл взгляд куда-то за её плечо.

Нора обернулась.

Дэниел подошёл вплотную. Его рука легла ей на талию. Он кивнул человеку в куртке, тот подхватил тележку и поспешил дальше.

Муж сказал, что принесёт коляску, если она хочет гулять. Нора отказалась. Ей вдруг понадобилось вернуться наверх, закрыть дверь и проверить, что только что пришло на телефон.

Уведомление исчезло. В переписке с Рут ещё не было ответа.

Зато изменилось время.

На экране стояло 13:26.

Нора посмотрела на часы в прихожей. 12:51.

— Видеоняня пишет? — спросила она.

Дэниел как раз убирал ключ в карман.

— Что?

— Сохраняет запись.

— Не знаю. Надо посмотреть настройки.

— Посмотришь?

— Да.

Она кивнула. Поднялась в детскую и положила Оуэна в кроватку.

Камера стояла на комод. Белый пластмассовый шар с чёрным глазом. Нора повернула его и увидела в основании узкую щель для карты памяти. Щель была пустой.

Видеоняня показывала только то, что происходило сейчас.

Она помнила коробку. На фотографии женщина смотрела на младенца с экрана телефона, сидя в кафе. Нора тогда подумала: ну конечно, стоило родить, чтобы тут же уйти в кафе. Ей было стыдно за эту мысль ещё до появления Оуэна.

Теперь ей хотелось побыть в том кафе хотя бы пять минут. Сидеть среди незнакомых людей. Слышать, как кто-то ставит чашки на стойку.

В ящике письменного стола лежал старый цифровой фотоаппарат. Нора использовала его для рабочих снимков: телефон слишком сильно менял цвет бумаги. Она нашла запасной аккумулятор, поставила его на зарядку и проверила карту.

На экране появились фрагменты школьного архива. Чёрные росчерки, кусок конверта, печать попечительского совета. Дата последнего кадра была летней.

Камера не знала пароля от домашней сети. Не спрашивала, как Нора себя чувствует. Всё, что попадало в объектив, она складывала на маленькую чёрную карточку.

Нора расчистила место на книжной полке напротив кресла. Между двумя справочниками оставалась щель. Объектив смотрел сквозь неё на всю детскую, кроме входной двери.

Аккумулятор заряжался медленно. Нора сидела на полу, кормила сына и наблюдала за красным огоньком.

Когда Дэниел заглянул в комнату, она прикрыла зарядку пелёнкой.

— Хочешь супа?

— Потом.

— Ты не можешь весь день здесь сидеть.

Нора посмотрела на него.

Он улыбнулся.

— Я про твою спину.

Вечером она попросила мужа принять душ и собрать стирку. Он обрадовался поручению. Нора слышала, как он открывает корзину в ванной, как шумит вода.

Она вставила заряженный аккумулятор. Выбрала запись видео. На дисплее загорелся красный кружок, а рядом пошли цифры.

Нора села в кресло и подняла перед камерой лист бумаги.

«Меня зовут Нора Хейл. Я поставила камеру сама. Дэниел об этом не знает».

Подумав, она приписала: «Я не хочу причинять вред себе или ребёнку. Мне нужна помощь, чтобы понять, кто приходит в эту комнату».

Она подержала лист ещё несколько секунд. Потом сложила его и сунула под матрас своей кровати.

В ту ночь Нора не собиралась спать.

Она решила лежать лицом к двери. Засекать время. При каждом кормлении делать новую отметку в блокноте. Если женщина придёт, не кричать. Сначала посмотреть на её руки. Потом спросить имя.

В 21:18 она записала первое время.

В 21:43 — второе.

В 22:06 Дэниел принёс ей чай.

Она поставила чашку на тумбочку и не притронулась.

В 22:31 из детской донеслось тихое побряхтывание. Нора встала, покормила Оуэна, сменила ему подгузник. Возвращаясь в спальню, увидела мужа на лестничной площадке. Он держал в руках её пустую чашку.

— Ты вылила?

Нора не сразу поняла вопрос.

— Он остыл.

— Надо было позвать.

В 23:08 она открыла глаза.

Дверь спальни была закрыта. Дэниел лежал рядом. Нора отчётливо помнила, как секунду назад садилась на кровать и тянулась за блокнотом.

Блокнот оказался у неё на груди.

В нём появились две строки.

23:02.

23:04.

И под ними, её почерком, было написано:

«Не спрашивай, как её зовут. Он услышит».

Глава 4. Патронаж

Нора не разбудила мужа.

Она лежала с открытым блокнотом, пока свет фонаря за окном не погас. Дэниел дышал ровно. Несколько раз ей казалось, что он не спит: дыхание становилось слишком аккуратным, как у человека, который притворяется. Потом он громко сглатывал и переворачивался на другой бок.

В четыре утра заплакал Оуэн. Нора поднялась раньше, чем Дэниел успел пошевелиться.

Детская была пуста. Кресло стояло ровно, обе тапочки — под кроватью. На полке между справочниками тихо светился фотоаппарат.

Карта заполнилась. Запись остановилась.

Нора не стала смотреть её с ребёнком на руках. Забрала аппарат и прижала к себе так, словно это был ещё один младенец.

Телефон завибрировал, когда она возвращалась в спальню.

От Рут пришло несколько сообщений сразу.

«Я только увидела».

«Ты сейчас в безопасности?»

«Я позвоню утром. Если нужна помощь раньше, напиши адрес, я вызову к тебе».

И последнее:

«Нора, почему на выписке другая дата?»

Она остановилась в коридоре.

С экрана смотрели те же две смазанные цифры. Рут обвела их красным и увеличила. Под чёрным отпечатком проступал нижний контур ещё одной строки.

Нора стала печатать ответ.

В спальне зашуршало одеяло.

Она выключила экран.

Утром позвонили в дверь.

Дэниел ушёл открывать, даже не спросив, ждёт ли она кого-нибудь. Нора сидела в детской. На коленях лежал фотоаппарат, и на его маленьком экране застыли её собственные босые ноги.

Первые полчаса записи она уже просмотрела. На ней не было ничего необычного: Нора укладывала сына, заглядывала в объектив, придвигала один из справочников. Дэниел менял пакет в ведре для подгузников. Он видел полку, но к ней не подходил.

На сорок второй минуте по креслу прошла тень.

Нора перемотала назад. Тень принадлежала человеку за пределами кадра. Видны были плечо и голова, вытянутые светом из коридора.

Потом кресло прогнулось под чьим-то весом.

В кадр никто не вошёл.

Снизу донёсся женский голос.

Нора нажала паузу и сунула камеру в карман халата.

На кухне стояла незнакомая женщина в синем дождевике. Сняв его, она аккуратно повесила мокрую ткань на спинку стула. Под дождевиком была обычная одежда — тёмные брюки, вязанный жилет. Из сумки выглядывал пластиковый контейнер.

— Нора? Здравствуйте. Я Лия Мерсер.

Женщина показала удостоверение. Нора успела прочитать имя и название районной службы. Потом Лия убрала карточку обратно.

— Я уже собиралась звонить. Нам передали, что после выписки визиты отменены. А вчера пришло уточнение, что вы всё-таки хотите осмотр.

Нора посмотрела на мужа.

Дэниел улыбнулся.

— Я хотел сделать тебе сюрприз. Ты же вчера спрашивала про врача.

Лия чуть подняла брови, но ничего не сказала.

Ей было около сорока. На переносице осталась красная полоска от очков. Один рукав жилета возле запястья распустился, и Лия, разговаривая, машинально заправляла нитку внутрь.

Норе захотелось схватить её за этот рукав.

— Можно я посмотрю Оуэна? А потом поговорим о вас.

— Конечно, — сказал Дэниел.

Лия всё ещё смотрела на Нору.

— Можно, — ответила та.

Они прошли в детскую. Дэниел принёс стул, затем остался в дверях. Лия вымыла руки, разложила на комодě свои вещи. Спросила про кормление, сон, подгузники. Нора отвечала подробно, иногда сбивалась и начинала заново.

Лия её не торопила.

— Можно снять шапочку?

Нора кивнула.

Красные точки на виске почти исчезли. Лия осторожно провела пальцем рядом с ними, спросила, когда Нора заметила след. Записала ответ.

Оуэн лежал на одеяле и смотрел на её лицо. Когда она наклонилась, его рот растянулся в улыбке.

Лия ответила ему.

— Здравствуй. Да, я тоже тебя вижу.

Нора слышала в этой фразе что-то странное и тут же поняла, что ищет странность во всём подряд.

Лия взвесила ребёнка. Посмотрела на дисплей, затем снова на мальчика. Проверила запись в своей папке.

— Какую дату рождения вам вписали в домашние документы?

— Десять дней назад.

Женщина подняла глаза.

— Простите?

Нора назвала число. Именно оно стояло в календаре телефона рядом с сердечком. Она помнила, как Дэниел показал эту запись по дороге домой.

Лия не стала ничего писать.

— Мне нужно свериться с нашей системой. Здесь, возможно, ошибка при передаче данных.

Дэниел отступил от косяка.

— У них там всё перепутано с самого начала. Я говорил с регистратурой.

Лия кивнула, но не повернулась к нему.

Нора смотрела на сына. Оуэн двигал ногами и пытался повернуться всем телом, следя за расстёгнутой лямкой сумки. Его ладонь сомкнулась вокруг Лиино пальца.

— Что не так? — спросила Нора.

— Сейчас я вижу ребёнка, которого нужно осмотреть и сопоставить с его документами. Я не хочу объяснять расхождения, пока не проверила их.

— Но они есть.

— Есть.

Дэниел кашлянул.

Лия завершила Оуэна и передала матери.

— Я побеседую с Норой наедине. Мы так делаем на домашних визитах. Муж посмотрел на неё, затем на Нору.

— Конечно. Я буду внизу.

Он закрыл дверь. Лия подождала, пока скрипнет лестница.

— Вы хотели этот визит?

Нора кивнула.

— Я не знала, что он состоится. Но хотела.

— Хорошо. Скажите, что вас больше всего пугает сейчас.

Нора почувствовала, как глаза наполняются слезами. Она не хотела плакать. Плач делает историю длиннее. Придётся дышать, сморкаться, слушать утешения. А под дверью мог стоять Дэниел.

— Я видела женщину, — сказала она. — С моим лицом. Она держала моего ребёнка. Муж тоже её видел, а теперь говорит, что нет.

Лия не изменилась в лице.

— Когда это было?

— Вчера утром. Ещё я не помню, как писала некоторые вещи. И я не уверена, какой сегодня день.

— Такое случилось до родов?

— Нет.

— Сейчас вы что-то видите или слышите, чего, возможно, нет в комнате?

— Вас вижу.

Слова выскочили сами. Нора испугалась, что это прозвучало грубо.

Лия чуть подалась вперёд.

— Вы сомневаетесь, что я здесь?

Нора посмотрела на её рукав, на торчащую нитку.

— Иногда я во всём сомневаюсь.

Лия задала ещё несколько вопросов. Нора отвечала. Сказала про сон, про таблетки, которые не приняла, про отсутствующую защёлку. Когда речь зашла о страхе причинить кому-нибудь вред, она ответила сразу:

— Я боюсь, что его заберут. Я никому не хочу вредить.

— Я вас услышала. Нам нужно организовать очную оценку вашего состояния сегодня. И проверить документы Оуэна. Вы можете поехать со мной?

Нора так резко кивнула, что Лия придержала её за локоть.

— С сыном?

— Мы организуем помощь вам обоим.

— А если Дэниел не разрешит?

Лия убрала руку.

— Вам не нужно его разрешение, чтобы обратиться за помощью.

Нора впервые за утро глубоко вдохнула.

Потом достала фотоаппарат.

— Посмотрите ещё это. Только до того, как мы выйдем.

Лия придвинула стул. На дисплее снова появилось кресло.

Тень легла на подлокотник. Ткань сиденья продавилась.

Следующие несколько секунд ничего не происходило.

Потом из-за спинки кресла медленно поднялась рука.

Женская, с синяком на запястье.

Она легла на подлокотник. Лицо женщины оставалось за пределами кадра.

Лия наклонилась к экрану.

— Это когда записано?

— Вчера.

— Вы это монтировали?

— Нет.

На записи ладонь ощупала подлокотник. Пальцы сжались, как будто женщина пыталась подняться, но не могла найти опоры. Затем в кадр вошёл Дэниел.

Он присел перед креслом. Взял руку, поднёс к губам и что-то сказал.

Звук был слишком тихим.

Лия потянулась к кнопке громкости. Нора остановила её.

За дверью скрипнула доска.

Они обе повернули головы.

Ручка медленно опустилась.

Дверь открылась на ладонь. Дэниел заглянул в щель.

— Вам кофе?

— Спасибо, не нужно, — сказала Лия. — Мы сейчас спустимся. Нора поедет со мной на осмотр.

Муж посмотрел на фотоаппарат.

Потом на Оуэна.

— Конечно, — ответил он.

Нора вдруг поняла, что за всё утро он ни разу не спросил Лию, здоров ли его сын.

Глава 5. Возраст

В сумку Нора положила подгузники, запасной комбинезон, пелёнку и документы. Потом вынула документы, спрятала фотоаппарат на самое дно и снова накрыла его папкой.

Дэниел наблюдал с порога.

— Возьми зарядку.

Нора огляделась. Муж подал ей провод. Тот самый, который всегда лежал с её стороны кровати, свернувшись в пыльный узел.

Рядом на тумбочке стояла чашка с нетронутым чаем.

Вчера вечером он держал пустую.

Нора посмотрела на чашку. Дэниел проследил за её взглядом.

— Я свежий сделал, — сказал он.

Она не стала спрашивать, почему на поверхности осталась тонкая холодная плёнка.

Лия ждала в прихожей. Оуэн уже лежал в автолюльке. Пока Нора одевалась, акушерка попросила Дэниела найти детскую медицинскую книжку. Он ушёл в кухню, долго перебирал какие-то бумаги и вернулся без неё.

— Всё должно быть в системе.

— Я свяжусь с вашим отделением, — ответила Лия. — Если найдёте книжку, пожалуйста, возьмите с собой.

— Я поеду следом.

Нора застегнула пальто. От усилия заболел живот, и она согнулась. Дэниел шагнул к ней.

— Подожди.

Он взял её левую руку.

Сначала Нора решила, что муж хочет помочь с рукавом. Потом его большой палец лёг на кольцо.

— Это давит. Давай снимем.

Он впервые предложил его снять.

Нора прижала ладонь к себе.

— Потом.

Лия подняла автолюльку.

— Кольцо действительно тесное. Покажем в приёмном отделении, там помогут безопасно его снять.

Дэниел посмотрел на неё.

— У нас есть ювелир.

— Сейчас важнее осмотр, — сказала Лия.

Нора открыла дверь сама.

Холод пробрался под пальто. На другой стороне улицы стоял зелёный фургон, за ним — крохотный красный автомобиль с наклейкой на заднем стекле. Лия открыла багажник, убрала сумку и занялась креплениями детского кресла.

Дэниел остался в дверях дома.

Нора оглянулась на окно детской.

За стеклом темнела комната. Кресло стояло спинкой к улице, виднелась только верхняя часть подголовника.

Над ним медленно поднялась ладонь.

Четыре пальца. Большой был поджат к середине ладони.

Нора шагнула обратно к калитке.

Рука исчезла.

— Что такое? — спросила Лия.

— Там кто-то есть.

Акушерка посмотрела на окно. Дэниел обернулся, поднял голову, затем снова посмотрел на жену.

Он ничего не сказал.

Нора стояла, вцепившись в ремень сумки. Ей хотелось броситься в дом. Открыть детскую, обойти кресло и увидеть, кто прячется за ним. Взять Лию за руку и потащить за собой, чтобы кто-то наконец посмотрел в нужную сторону вовремя.

Из машины послышалось сердитое кряхтение Оуэна.

Нора разжала пальцы.

— Поехали.

Она села рядом с сыном. Лия спросила, можно ли ей позвонить коллегам по дороге. Нора кивнула. Акушерка говорила без громкой связи, короткими фразами, не произнося при этом ничего, что Норе пришлось бы опровергать.

Машина тронулась.

Дэниел продолжал стоять на крыльце.

Через два квартала Нора поняла, что впервые за много дней не чувствует запаха их дома. Порошок для детского белья. Старое дерево лестницы. Чуть кисловатый воздух спальни. Она не замечала, что этот запах был на ней постоянно, пока его не перебили мокрые сиденья Лииной машины и дешёвый освежитель с нарисованной сосной.

— Вам не холодно? — спросила Лия.

— Нет.

Нора дотронулась до щеки Оуэна. Сын повернулся к пальцу.

— Вы видели запись, — сказала она.

— Да.

— Это было там?

Лия посмотрела на неё в зеркало.

— Я видела на экране то же, что и вы. Я не знаю, как это объяснить. Запись нужно сохранить.

Нора прикрыла глаза.

Этой фразы оказалось достаточно. Ничего не объяснили, ничего не обещали. Просто не заставили сомневаться в том, что произошло несколько минут назад.

У медицинского центра стояли два такси. Женщина в тапочках курила у закрытого служебного входа, прикрыв огонёк ладонью. Заметив детскую люльку, отвернулась и спрятала сигарету за спину.

Лия провела Нору через стеклянные двери.

Внутри пахло кофе из автомата и влажными куртками. За стойкой регистрации кто-то спорил о парковке. Телевизор под потолком показывал утреннюю передачу без звука.

Нора поймала себя на том, что улыбается.

Здесь было слишком много людей, чтобы Дэниел мог говорить за всех.

Их проводили в маленький кабинет. Пришла врач с короткими седыми волосами, представилась доктором Шоу. Лия осталась, получив согласие Норы. Оуэна положили в прозрачную больничную люльку рядом с кушеткой.

Сначала врач говорила с ней. Потом осмотрела и попросила разрешения связаться с родильным отделением и детской службой.

— Вы можете звонить кому угодно, — сказала Нора. — Только не моему мужу раньше, чем скажете мне.

Доктор Шоу посмотрела на Лию.

— Договорились.

Нора произнесла название клиники. Врач записала его без видимого удивления. Потом спросила дату рождения сына.

Нора ответила и сама услышала, как неуверенно это прозвучало.

— Какую дату вы сегодня считаете текущей?

Она показала телефон.

Доктор Шоу взяла его, спросив разрешения. Открыла настройки. Несколько раз коснулась экрана.

— Автоматическое определение даты отключено.

— Я не отключала.

Врач не стала спорить. Положила телефон на стол экраном вверх и придвинула к нему собственный.

Разница составила почти два месяца.

Нора смотрела на цифры.

— У вас ошибка.

Доктор Шоу развернула к ней монитор. В углу экрана стояла та же дата.

Из приёмной доносилось раздражённое:

— Я приехал до восьми, у вас на знаке написано до восьми!

Кто-то засмеялся. Щёлкнул принтер.

Нора взяла свой телефон. Её руки стали неловкими, палец не попадал в нужную строку. Она пыталась открыть фотографию из клиники. Оуэн в шапочке с утятами. Ещё одну: Дэниел держит сына у машины. Дата под снимками соответствовала её календарю.

— Посмотрите.

Доктор Шоу посмотрела.

— Фотографии могут содержать неверную дату, если устройство настроено вручную. Мы сейчас проверяем независимые сведения.

— Я была беременна две недели назад.

Врач пододвинула стул ближе.

— Я понимаю, что для вас это именно так.

Нора сжала телефон. Ей захотелось разбить его о край стола. Увидеть, как белый экран треснет и погаснет. Она испугалась этой вспышки и положила аппарат рядом с папкой.

— Я что, потеряла два месяца?

Доктор Шоу не ответила сразу.

— Сначала мы удостоверимся в датах. Потом будем разбираться, что с вами происходило.

Лия села рядом. Не обняла, не погладила по голове. Просто придвинула коробку салфеток так, чтобы Нора могла взять её сама.

Из люльки раздалось хлопанье. Оуэн проснулся, смотрел на край одеяла и шевелил губами.

Нора наклонилась к нему.

Сын заметил её лицо, замер и улыбнулся. Широко, осмысленно. Так, как будто уже делал это прежде и ждал ответа.

Она не знала этой улыбки.

Не знала, когда он научился следить глазами за лицом. Не помнила, как его щёки стали круглее, как одежда, привезённая из клиники, оказалась тесной. На нём уже был другой комбинезон. Она надевала его сегодня утром и ни о чём не задумалась.

За эти недели её сын успел измениться.

А она даже не знала, что недели были.

Телефон Лии завибрировал. Акушерка посмотрела на экран и вышла в коридор.

Вернувшись, она закрыла за собой дверь.

— Регистратура родильного отделения подтвердила запись, — сказала она врачу.

Доктор Шоу кивнула.

— Нора, Оуэн родился двенадцатого сентября. Сегодня шестнадцатое ноября.

Нора держала ладонь на краю люльки.

За спиной кто-то двигался, предлагал воды. Она слышала отдельные слова. «Остаться».

«Поддержка». «Безопасность».

Потом её собственный голос произнёс:

— Где я была?

И никто не ответил.

Глава 6. Чужой отдых

К полудню Нора рассказала свою историю четырём людям.

Доктору Шоу. Ещё одному врачу, который говорил с ней о сне и памяти. Женщине из службы защиты взрослых. Наконец — полицейскому, которого вызвали после того, как Нора показала переписку и попросила зафиксировать возможную подделку документов.

Каждый раз история становилась короче.

Сначала Нора начинала с родов и подробно описывала кресло. Потом стала говорить, что не помнит два месяца своей жизни, что муж давал ей бумаги с неверной датой и что дома ей страшно.

О записи она всё-таки рассказывала. Но после этого собеседники смотрели на неё иначе. Не обязательно плохо. Осторожнее. Словно она только что передала им предмет, который мог оказаться либо драгоценностью, либо разорвавшейся батареейкой.

Полицейского звали Томас Рид. Он был молод и очень старался не показывать, что молод. Записал модель камеры, спросил, готова ли Нора предоставить файл для изучения, и объяснил, что её рассказ нужно проверять.

Она согласилась передать копию, сохранив карту. Лия помогла попросить для этого сотрудника, который умел обращаться с файлами. Всё происходило буднично и долго. Норе это нравилось. Чем больше людей видели камеру, тем труднее было потом сказать, что никакой камеры не существовало.

Рид спросил, были ли у мужа её пароли.

— Да.

— Были ли случаи, когда он представлялся вами?

Нора показала сообщения Рут.

Полицейский попросил связаться с подругой. Нора позвонила с телефона Лии, и Рут ответила на втором гудке.

— Нора?

Она услышала своё имя и заплакала.

Рут не спрашивала, что случилось с ребёнком, не говорила, что давно предупреждала её насчёт Дэниела. Просто ждала. Потом сообщила, что купит билет на ближайший поезд и приедет вечером.

— Это не обязательно, — сказала Нора автоматически.

— Обязательно. Скинь мне, где ты.

— Я не со своего телефона.

— Тогда передай тому, с чьего звонишь.

Нора отдала аппарат Лии.

Пока они разговаривали, она смотрела на сына. После кормления Оуэн заснул у неё на руках. Казался совершенно довольным. Ему было всё равно, знает ли мать дату. В этом было что-то успокаивающее и одновременно невыносимое.

Она погладила его бровь ногтем мизинца.

Кольцо задело ткань пелёнки. На краю осталась золотая пыль.

Нора повернула руку.

Утром ободок был гладким снаружи. Сейчас по нему тянулась тончайшая линия, почти шов. У основания пальца темнела маленькая точка.

Она показала её доктору Шоу. Та проверила кожу и позвала сотрудника, который помогал с застрявшими кольцами. Пришёл мужчина с небольшим инструментом, представился Сэмом и спросил, не жалко ли Норе украшение.

— Разрежьте, — ответила она.

Сэм подложил под кольцо тонкую защитную пластинку. Нора отвернулась к Оуэну.

— Стойте, — сказал мужчина.

Она посмотрела на него.

Он взял лупу, которую принёс вместе с инструментом.

— Оно открывается. Здесь шарнир.

— Какой шарнир?

— У старых колец бывает разъёмная шинка. При проблемах с суставами удобно. Обычно замочек снаружи, а у вашего почти под пальцем. Не давит?

Нора смотрела на тёмную точку.

— Давит.

Сэм осторожно повернул кольцо. Подцепил маленький выступ. Щёлкнуло так тихо, что Нора скорее почувствовала звук кожей.

Золотой ободок раскрылся.

Нору пронзило болью.

Она дёрнулась всем телом, прижав Оуэна к груди. Доктор Шоу тут же подхватила ребёнка. Сэм отнял руки.

— Где болит?

Нора не могла ответить. Воздух застрял высоко в горле.

Перед глазами было кресло. Не их кресло. Деревянное, с привязанными к подлокотникам полосками ткани. Кто-то держал её за щиколотки. Левая нога лежала на остром краю. Она пыталась убрать её, но кто-то сказал: «Сейчас главное не двигаться».

В комнате пахло горячим металлом.

Потом всё исчезло.

Нора сидела на стуле в кабинете. Сэм стоял на коленях у её руки. Доктор Шоу держала Оуэна, который возмущённо кричал. Лия придерживала Нору за плечи.

Кольцо лежало на белой салфетке.

Без него палец казался голым до кости.

— Я здесь, — сказала Нора.

Она не знала, кому это говорит.

Ей измерили давление, помогли лечь. Врач осталась рядом, пока Нора снова не смогла нормально дышать. Оуэн успокоился у неё на груди. Кольцо убрали в прозрачный пакет.

Дэниел приехал через несколько минут.

До этого он звонил трижды. Нора просила сообщать ему только, что она с сыном в безопасности. Теперь муж стоял за стеклянной дверью и разговаривал с доктором Шоу. На нём была вчерашняя серая рубашка. Куртку он застегнул неровно, одна пола оказалась длиннее другой.

Он выглядел испуганным.

Нора вдруг поняла, что за всё время после утренней встречи в детской впервые видит его по-настоящему испуганным.

— Я не хочу сейчас с ним разговаривать, — сказала она.

Лия закрыла внутреннюю штору.

— Хорошо.

Нора прислушалась. Через дверь слышались голоса. Дэниел говорил что-то про утомление, про тяжёлую беременность, про то, что Нора всегда плохо переносила боль. Доктор Шоу отвечала ровно и не приглашала его внутрь.

Ещё один голос появился внезапно.

Женский.

Негромкий, низкий, с шершавыми окончаниями слов.

— Конечно. Ей сейчас не нужно лишнее беспокойство.

Нора посмотрела на Лию.

— Кто это?

Акушерка подошла к двери.

В коридоре снова заговорила женщина:

— Я Эдит Вейл. Семья обратилась ко мне после родов. Дэниел попросил приехать и объяснить, что было согласовано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.